

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

*Работа представлена кафедрой иранской и тюркской филологии
Дагестанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Р. С. Кадыров

В данной статье рассматривается категория множественного числа кумыкской морфологии. Вопросы категории числа являются одной из наиболее актуальных проблем теоретической грамматики тюркских языков. Категория множественного числа представлена не только в составе имен (существительного, прилагательного), но также и в системе кумыкского глагола.

In the given article the category of plural (number) of cumic morphology is considered. The questions of the category of number are of the most topical problems of the theoretical grammar of Turkic languages. The category of plural number is represented not only in the system of nouns (substantive, adjective), but also in the system of cumic verb.

В современных тюркских языках, в том числе и в кумыкском, категория множе-

ственного числа выражается лексически и морфологически. В то же время в тюркс-

ких языках многие вопросы, связанные с функционированием категории множественного числа рассматриваются с различных точек зрения. Категория числа в тюркских языках исследована в различных аспектах, причем не обязательно в связи с образованием множественного числа. Системное описание образования плюральных форм субстантивов в конкретном языке само по себе представляет значительный интерес, хотя в тюркских языках проблема множественного числа достаточно полно освещена в соответствующих грамматических описаниях. В этом аспекте значительно отстает грамматическое описание множественного числа в современном кумыкском языке.

При описании и сравнении категории множественного числа с соответствующей категорией других тюркских языков нами дается не только полное и системное описание данной категории, но и приводятся определенные дополнения, уточнения и коррективы, а также освещаются и такие вопросы, которые в предыдущих исследованиях остались незатронутыми.

Категория множественного числа занимает в кумыкской морфологии значительное место. Исследование, например, фразеологизмов в кумыкском языке показывает значительную распространенность категории множественного числа и в системе устойчивых словосочетаний.

В кумыкской фразеологии морфологическая и синтаксическая структура устойчивых словосочетаний, как и в других тюркских языках, изучена во многих исследованиях, хотя в сравнительно-сопоставительном отношении остаются нерешенными многие вопросы, в том числе и особенности функционирования категории множественного числа во фразеологизмах.

Вопрос о категории числа продолжает оставаться одним из актуальнейших вопросов теоретической грамматики тюркских

языков, о чем свидетельствует обилие работ по этой проблеме, появившихся за последние годы. Анализ существующих разработок этой категории показывает, что общим для них является положение, согласно которому эта категория представлена двумя формами: формой множественного числа, образуемой с помощью показателя, и противопоставляемой ей формой без этого показателя, которая рассматривается как форма единственного (или неопределенного) числа и часто как форма с нулевым показателем. Необходимо сделать детальное описание значения каждой из этих форм и попытаться обнаружить взаимную противопоставленность их семантики.

Так, например, кумыкская основа *ташлар* «камни» состоит из термина *таш* «камень» и аффикса *-лар*. Форма *таш* также может выражать значение множественности, ср.: *Бютюн айланада таш* – «Везде вокруг камни».

Признание формы без показателя формой единственного (неопределенного, общего) числа и наличия взаимной противопоставленности форм, а также утверждение, что слово без *-лар*, *-лер* имеет нулевой показатель (т. е. показатель единственного или неопределенного, общего числа), принимаются в исследованиях обычно без аргументации и предстают как некие аксиомы, имеющие силу применительно к тюркским языкам и лежащие в основе существующих концепций.

Признание формы без *-лар*, *-лер* единственным числом уживается с констатацией факта, что она может обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, оправдывается обычно своеобразием семантики этой формы существительного. Представляется, что такое объяснение недостаточно для снятия указанного противоречия. Наиболее корректным является следующее: форма без *-лар*, *-лер* вообще индифферентна к количеству передаваемых существительным предметов и едва ли является одной из форм категории. Этот вы-

вод, если он верен, ставит под сомнение справедливость самого противопоставления имени с *-лар*, *-лер* и имени без *-лар*, *-лер* как двух соотносительных форм категории; и в этой связи сомнительным оказалось бы и мнение о наличии у формы без *-лар*, *-лер* нулевого показателя числа.

Такие выводы могут показаться на первый взгляд парадоксальными, противоречащими установившимся в тюркологии представлениям, но обнаружение противоречия между сложившимися концепциями и исследуемым материалом является необходимой предпосылкой для дальнейшего более адекватного познания предмета.

Лексический способ большей частью реализуется через разряд числительных и ряд наречий типа *кѐп* «много», *аз* «мало» и т. д. Он в тюркских языках обладает уникальной особенностью, реализуется через соответствующие мыслительные единицы. Эта особенность заключается в том, что дискретное (или прерывное) количество выражается сочетанием любого числительного с существительным, стоящим исключительно и непременно в единственном числе. В синтагме *он тав* «десять гор» меняется само понятие дискретного количества – оно мыслится как такое количество, которое состоит из отдельной единицы (*тав* – «гора»), а сочетание ее с числительным дает понятие дискретного количества, которое соразмеряется с определенным числом и противоречит числовой форме существительного *тав*, имеющего форму единственного числа. Из имеющихся исследований видно, что названные аксиомы уже исчерпали свои возможности. Содержащиеся в тюркологической литературе многочисленные наблюдения, гипотезы, догадки, а также интенсивные типологические исследования последних лет и работы о числе в других языках являются реальным основанием для новых попыток осмысления категории числа.

В некоторых разрядах местоимений

образование числовых форм происходит также лексически. Множественное число, выражаемое местоимениями *биз* «мы», *сиз* «вы», имеет дискретную природу, но с оттенком определенности, поскольку информация исходит непосредственно от самих говорящих или слушающих и по этой причине число участников более или менее можно точно установить. При этом каждое личное местоимение имеет свою, присущую только ему лексически обособленную форму, материально более или менее отличающуюся от форм прочих местоимений.

Признание формы без показателя *-лар*, *-лер* формой единственного числа, т. е. членом парадигмы категории числа, предполагает, что каждое имя всегда выступает в одной из форм этой категории. Но такое утверждение справедливо лишь для языков, где категория числа выполняет не только содержательные функции, связанные с количественным различением предметов, но также и формальную синтаксическую функцию согласования в числе существительных и согласуемых с ними слов (атрибутов и предикатов), которая делает категорию числа одним из средств образования синтаксических структур. Наличие обеих функций у категории числа особенно очевидно во флективных языках, представителем которых является, в частности, русский. Категория числа в этом языке в своей согласовательной функции является всеобъемлющей и охватывает не только все существительные, но и согласуемые с ними слова. Именно эта функция обуславливает то, что каждое существительное без исключения формально стоит в одной из грамматических форм числа и, следовательно, существительное не в форме множественного числа выступает как форма единственного числа или с особым формантом, или с нулевым показателем, т. е. со значимым отсутствием форманта.